
Александр ПОНОМАРЕВ

РАССКАЗЫ

ТУРГЕНЕВСКАЯ ДЕВУШКА

Их знакомство состоялось в театральной среде, точнее, в театральной кассе.

Сначала он решил переждать там первый весенний дождь, который, по обыкновению, обрушился на Москву тропическим ливнем из ниоткуда (хотя еще пять минут назад ничто не предвещало ничего подобного) и так же быстро исчез в никуда. Заскочил, по-кобелиному отряхиваясь, щедро разбрасывая вокруг себя небесную влагу. А потом вдруг увидел ее, а увидев — застыл. А застыв — остался.

Она сиротливо стояла рядом с кассовым окошком, с виду настоящая тургеневская барышня, разве что гораздо интереснее. На ней было строгое, почти в пол, перехваченное тонким ремешком в талии платье. Волосы убраны в пучок, лицо бледное и одухотворенное. Глаза влажные, точно небо над Таганкой. Того и гляди, выплеснутся сейчас наружу. В нервных пальцах зажаты два билета.

Ощувив, что привлекла внимание вымокшего до нитки мужчины, девушка застенчиво ему улыбнулась, то ли даря сочувствие, то ли, наоборот, к нему призывая.

— Он не пришел, а я уже билеты взяла. И куда я с ними теперь? Ведь он не пришел и не придет совсем. — словно бы оправдываясь, лепетала она. — Звонок уже скоро, а у меня билеты на руках.

Его удивило в этой ситуации то, что в обычной жизни все происходит с точностью до наоборот. А тут — на тебе. И кто только посмел?

— Он — это ваш молодой человек?

Девушка не ответила. Неожиданно для себя он сказал, точнее, выпалил:

— Давайте-ка билеты сюда — я их покупаю.

— Серьезно? — Барышня с готовностью протянула ему бумажки. — Надеюсь, что эти пять тысяч не сильно ударят по вашему карману. Я, понимаете ли, не очень хорошо вижу и поэтому беру билеты только в партер, на первые места. Тем более только там можно ощутить живую энергетику действия, понимаете. Постановка же, судя по всему, обещает быть замечательной, так что берите — не пожалеете.

— Один из них оставьте себе, прошу вас.

Сердце его забило громче: «Интересно, возьмет или не возьмет?»

— Неудобно как-то получается после всего, — растерялась девушка, пряча пяти тысячную купюру в клатч, — право, не знаю даже.

— Придумайте тоже — неудобно, будем считать, что я вас пригласил, тем более все равно второй девать некуда. А неудобно знаете, когда бывает?

Она, видимо, знала, потому что добавила в бледность щек немного краски, и, не дожидаясь продолжения сентенции, поспешным кивком подтвердила свое согласие.

Александр Сергеевич Пономарев родился в 1970 году в Москве. Образование высшее техническое. Публиковался в журнале «Бельские просторы». Живет в Москве.

— Хорошо, ну разве если так только. Ася, — представилась она, чуть согнув ноги в коленях и склонив свою очаровательную головку, как если бы присела в реверансе.

«Надо же, имя-то какое тургеневское... Ася».

— Анатолий Петрович... Анатолий... Толя.

Постановку они смотрели вместе, сидя плечом к плечу. Точнее, смотрела ее только Ася. Анатолий же — Толя — все акты вкупе с антрактами не сводил восхищенных глаз со своей соседки.

По дороге к метро они уже, словно старые знакомые, всюду делились впечатлениями:

— Нет, ну вы представляете, каков талант, хотя я в этой роли всегда видела только Безрукова.

— А она, она, мне показалось, здорово переигрывала.

Толик был на седьмом небе от того, что девушка столь быстро освоилась в его обществе. Сейчас ее лицо не отражало и тени той печали, которая бросилась ему в глаза у билетных касс: «Вот что значит магия театра и теплая дружеская атмосфера».

— А не желаете ли завтра сходить на «Сон в летнюю ночь», у меня тут еще пара билетов имеется? — предложила Ася, протягивая ему руку для прощания. — С вами так здорово сегодня было вместе... посмотреть.

Разумеется, он желал.

— Значит, до завтра?

— Значит, до завтра.

И так они сходили завтра, потом было послезавтра, а еще был четверг. Сначала он удивлялся: что она в нем нашла? Ей от силы двадцать три, она почти красавица. Ему уже скоро сорок, хотя, со слов знакомых, выглядит он несколько моложе. Холостяцкий образ жизни, помноженный на возраст, пока не наложил на него своего прощального отпечатка. Он даже мог бы еще иметь успех у женщин, если б не пивной живот, двойной подбородок и невесть откуда-то взявшаяся плешь. Недостаток волос на темени он, правда, компенсировал дополнительной растительностью на лице в виде интеллигентных усов и бородки, что придавало ему определенное портретное сходство с царским премьером Столыпиным.

«Наверное, все-таки духовная близость. Именно духовная близость и любовь к театральному искусству», — убеждал себя Толя, забыв, что в последний раз он был в театре весьма давно, тогда еще вроде бы давали «Малыш и Карлсон».

Не прошло и недели, как между ними, несмотря на духовную близость, возникла первая напряженность. Он вдруг решил проявить активность и по совету знакомых добыл билеты на какой-то очень модный мюзикл.

— Взяли уже? — сухо переспросила Ася. — А сложно было со мной посоветоваться насчет репертуара? Может, я современное театральное искусство на дух не переношу. К тому же у меня на сегодня имеются планы.

— Я думал, что это будет такой сюрприз, — промямлил он в ответ на бесстрастные гудки, раздававшиеся в трубке.

«Ну вот и не угодил», — раскис Толя и поклялся себе больше никогда не проявлять инициативу в таком деликатном вопросе. Билеты он выкинул в окно, сделав из них самолетик.

Казалось бы, мелочи жизни. А по спине все равно холодок пробежал. Вдруг это все. Занавес. Разрыв на почве несовпадения взглядов на жизнь, в частности на театральное искусство. А что? Вокруг такое сплошь и рядом происходит.

Но на следующий день она ему опять позвонила. Сама!

— Вы не обиделись на меня вчера? — как ни в чем не бывало прощбетала Ася.

— На вас? Помилуйте, разве такое возможно.

— Значит, вы не откажетесь сходить со мной в театр Маяковского? Вечером там дадут потрясающую драму.

— Спрашиваете.

— Тогда в шесть. Только я буду с подругой, если не возражаете.

«А кузнец-то нам зачем?» — вспомнилась ему фраза из одного старого доброго фильма.

— Буду только рад, — сказал он с поспешностью, но осознав, что получилось несколько двусмысленно, добавил первое, что пришло на ум: — За вас.

Подруга оказалась ему бойкой, если не сказать вульгарной особой, тем более на фоне его избранницы. К тому же она была намного старше ее, скорее, ближе к нему по возрасту.

«Какие они все-таки разные, — подумалось в тот вечер Анатолию, — но друзей не выбирают, равно как и театральные постановки подчас».

Все первое действие, сидя в партере между Асей и ее спутницей, он решал — удобно ли попросить у Асиной подруги три тысячи за билет, или это будет выглядеть с его стороны ужасным неприличием, моветоном. Но потом он увлекся пьесой и забыл об этом щекотливом обстоятельстве.

Так незаметно пролетели две недели. Жизнь Анатолия обрела новые краски: «Театр сатиры», «На досках», «Эрмитаж»... «Дядя Ваня», «Ричард III», «Евгений Онегин»... Он уже привык, что каждое утро его ожидал новый звонок, а вечером новые приключения.

Единственное, что немного его угнетало, это осознание того, что за все прошедшее время их отношения с Асей не стали менее платоническими. Пока он мог похвастаться лишь тем, что они перешли с ней на «ты» и провели как-то аж целый вечер в кафе после отмены «Риголетто». Ася тогда долго, с упоением рассказывала ему о традициях русского театрального жанра, о дореволюционных постановках Александринского театра и Мариинки, а на десерт удивила его замечательным знанием подробностей биографий Веры Комиссаржевской и Немировича-Данченко.

Когда они, держась за руки, прощались на троллейбусной остановке, Толя впервые не устоял. После двух бокалов вина у него приятно шумело в голове, а духовная жажда сменилась иной, более приземленной. В какой-то момент он инстинктивно прижал Асю к себе и, зажмурив глаза, потянулся к ее лицу, но сумел поцеловать лишь указательный палец, который та прислонила к его губам.

— Не сейчас, не время, — прошептала она, мягко выскользнув из Толиных объятий, и упорхнула в открывший двери троллейбус. Оттуда она послала ему воздушный поцелуй, прислонив ладонь к боковому стеклу. В ее глазах он прочел то ли смущение, то ли сожаление.

И тогда он смиренно пустил все на самотек. А разве могло быть иначе? Театральная жизнь захватила его, затянула в свой волшебный водоворот, не оставив ему даже маленького шанса: «С интимными же отношениями в моем возрасте можно и потерпеть, чай, не прыщавый недоросль уже. В конце концов, она тургеневская девушка, чего от нее еще было ожидать. Такие, как Ася, нынче редкость. Этим, можно сказать, меня и взяла. Самое же главное сейчас — то, что они вместе, что он может держать ее за руку, смотреть в ее глаза, слушать ее рассуждения о великом и высоком театральном служении... или еще о чем-нибудь.»

Через неделю у него на службе выдавали аванс. Данное обстоятельство пришлось очень кстати, потому как он уже порядком издержался. Он себе и не представлял раньше, до чего, оказывается, накладно вести театральную жизнь. Но что поделаешь, коль скоро его девушка, а он уже считал Асю своей девушкой, театральная маньяч-

ка: «Надо бы как-нибудь с ней переговорить, что ли. Намекнуть ей, что в жизни есть еще много разных, не менее приятных, но менее затратных удовольствий».

А еще через неделю Ася пропала. Не позвонила ему, как обычно, с утра. Ее номер тоже оказался вне зоны действия сети. Весь день он не находил себе места. Может, с ней что-то ужасное произошло, может быть, Асе нужна его помощь. Решено, надо срочно начинать поисковую операцию. Впрочем, что ему, собственно, о ней известно? Только то, что у нее тургеневское имя, и то, что она снимает комнату где-то на «Юго-Западной».

Он взрыл весь Интернет в поисках ее виртуальных следов, все выходные он прощлялся по разным театрам и кассам в надежде на случайную встречу. Но куда уж там.

В понедельник Толя с трудом заставил себя побриться и отправиться на работу.

Уже ближе к обеду к ним в НИИ ворвались три жизнерадостные и громкие грации. Шелестя яркими юбками, словно цыганки, они прошлись по этажам, облепляя на пути каждого встречного сотрудника, и, игриво прося позолотить ручку, обещали тому взамен восторг прикосновения к прекрасному.

— «Двенадцатая ночь», «Эдип», «Женщины без границ»... — чирикали искусительницы. Короче говоря, предлагали театральные билеты на весенний сезон.

Толик стоял и мрачно курил на лестнице, когда женщины, словно цветастый торнадо, пронеслись мимо него. Лицо одной из них показалось ему удивительно знакомым. Неужели ее подруга? Точно, она, та самая подруга Аси, которую он выгуливал вместе с ней на позапрошлой неделе в театр Маяковского. Нет, это не просто удача — это судьба!

Он в три прыжка настиг подругу возле туалетов и с таким азартом схватил за руку, что дама слегка испугалась.

— Тебе чего надо, алле?

— Ася, — только и смог произнести, задыхаясь, Толя.

— Я не Ася, — вырвала руку с усилием она.

— При чем тут вы, я про подругу вашу! Мы еще вместе в позапрошлую среду в театре, помните...

— Ах... вот оно что, — начала успокаиваться та, еще спустя мгновение складки у ее рта разгладились, а взгляд снова стал игривым. — Помню, помню. Только она мне никакая не подруга. Работаем мы с ней вместе. Она в нашей группе лучший театральный агент. Самые большие сборы у нее в этом месяце получились.

«Лучший, а как же иначе», — мелькнула у него довольная мысль, Ася ведь действительно лучшая, во всех отношениях.

— А я, я могу с ней как-нибудь связаться, а то у нее телефон третий день уже молчит?

— Так и немудрено, на Кипре она сейчас, путешествует по Пафосу со своим парнем, то есть с мужем, стало быть, теперь.

Если бы дама сказала, что Ася улетела на Марс искать следы внеземных театральных цивилизаций, то это, пожалуй, произвело бы на него меньшее впечатление. На Анатолия сейчас невозможно было смотреть без слез. Почему-то сейчас ему вспомнилось, что последняя постановка, на которую они ходили с Асей, была пьеса Карла Гоцци «Король-олень».

— С мужем, вы уверены? А то ведь я, то есть мы, понимаете, в театр с ней собирались, — начал он мямлить какую-то несуразицу, чтобы вдруг не разрыдаться.

Его собеседница уже совсем отошла от шока и, с любопытством прищурившись, созерцала эту душщипательную мизансцену.

— А знаете, — вскинув брови, предложила она вдруг, — если дело в этом только, то в театр можете и меня сводить. Тут у нас такая чудовая премьера с Машковым, представляете?

Потом, достав из сумочки помятую программку, бойко затараторила, сев на своего привычного конька:

— А если еще возьмете два билета на «Садко», то вам выйдет скидка в десять процентов. Невероятно выгодное предложение...

ШВЕЙЦАРЬ

Нет лучшего средства забыть про кошмары минувшей рабочей недели, нежели закатиться в клуб-ресторан «Гоголь», чья вывеска выстрелит неоном по вашим глазам на съезде с Ижорской эстакады в сторону Литейной улицы, и там, расправив крылья, с молодецкой удалью пуститься во все тяжкие.

— Знаем мы ваши тяжкие... — недоверчиво усмехнется искушенный читатель, скептически прищутив свой глаз, но будет немедленно водружен на место.

— Что бы вы понимали, — скажу я в ответ на его скепсис, — во-первых, в данном заведении можно сгонять партию-другую в бильярд или даже в вист на интерес. Затем вкусно отужинать филе сибаса, запеченного с пармезаном и артишоками, и запить все парой бокалов хорошего рейнского. А еще тут можно между делом обсудить со здешними пикейными жилетами беспокойную обстановку на Ближнем Востоке и перспективы «Ювентуса» в Лиге чемпионов. Ну и на десерт позволить себе перекинуться томным взглядом со скучающей брюнеткой в леопардовом платье, что лениво ковыряет мороженое за соседним столиком, пока ее кавалер, забыв про все на свете, азартно засаживает в лузу непослушный шар.

Следует отметить, что описанные выше удовольствия вы будете получать под «Времена года» Вивальди в живом исполнении струнного трио и отменную кубинскую сигару. Не знаю, как для вас, друзья мои, но для почтенного, законопослушного и к тому же по уши семейного человека, кому недавно отметили полтинник, у кого хронический холецистит, подагра, мигрень, а также невыплаченный кредит в Сбербанке, подобное времяпрепровождение, увы, как раз-таки и тянет на все тяжкие.

Так к чему я, собственно, начал свой разговор? Ах, да.

Если театр начинается где-то в районе вешалки, то у клуба начало вы обнаружите, можно сказать, не дойдя до его порога. Еще под козырьком, украшенным медным профилем великого писателя, вас встретит эдакий аккуратный, прилизанный, одетый в длинный сюртук господин с увесистым зонтом наперевес. Это в том случае, когда вам приспичит наведаться сюда летом. Ну или все тот же господин, только уже в подбитой ондатровым мехом шинели с медными пуговицами, если подобное желание достигнет вас в более прохладное время года. Но зонт при нем будет всегда. Точно так же, как и роскошные, не хуже, чем у самого Бисмарка, усы, висящие на сытом, без единой морщинки лице, несмотря на весьма почтенный возраст их хозяина. В общем, прошу любить и жаловать здешнего швейцара — Акакия Акакиевича. Не уверен, что так звучит его настоящее имя, но судя по визитке, пришпиленной к высокой тулье его старомодной шляпы, кличут здесь колоритного привратника именно так.

— Семен Аркадьевич, радость-то какая! — всплеснет он своими пухлыми ручками, едва заметив, как вы, выбравшись из такси, обреченно втягиваете голову в плечи, пытаясь сократить площадь своего намочения под мерзкой осенней изморосью, и, раскрывая на ходу купол зонта, засеменит вам навстречу.

Затем он непременно проводит вас, поддерживая аккуратно под локоток, до фойе, где передаст лично в руки услужливому гардеробщику, кивнув незаметно уборщице, чтобы та затерла мокрые разводы на мраморном полу, что оставили ваши хлебнувшие небесной влаги калоши.

— Сегодня вы по полной программе погулять зашли — или так, севрюжки с хреном откусать? — обязательно задаст он вам свой дежурный вопрос.

— Это уж как карта ляжет, — ответите вы ему с залихватской улыбкой праздного гуляки. И тут же, хлопнув себя по карманам, неожиданно вспомните: — Эх, опять карту клубную забыл, кажется. Ну не олень ли? Может, пустите под честное джентльменское?

— Спрашиваете тоже, — умилительно сложит он руки на груди, — подумаешь, какая напасть. Это даже очень замечательно, скажу я вам, что вы ее забыли, — начнет утешать он вас по-отечески, — значит, в покере удача будет сегодня на вашей стороне. Примета у нас здесь такая.

При этом весь вид его будет излучать такое благожелательство, такое неземное наслаждение присутствием дорогого гостя, что душа ваша зайдет в шоколадной истоме от счастья пребывания в самом атмосферном уголке городской инфраструктуры, а рука непроизвольно потянется в карман за пятисотенной.

— Возьми, любезный, — заслужил. Очень уж все хорошо.

— Что вы это так! Зачем вы так это! — возмутится он, уверенным движением запихивая купюру за обшлаг своего сюртука. — Я же здесь для того и поставлен, чтобы хорошо все было. Служба у меня здесь такая.

В общем, единственный раз, когда я из клуба ушел раньше полуночи и в полном разочаровании, это вчера. зуб неожиданно сломался, представьте себе. Рябчик попался чересчур жесткий, зараза, вот зуб и хрустнул. Неспроста, видно, мне повар так настойчиво вместо дичи сосиски по-венски с грудинкой предлагал.

Хотя, возможно, дело и не в рябчике вовсе, а в, собственно, моем несчастном клыке. Сколько раз его уже латали, потом перелатывали и затем опять переперелатывали. «Время, значит, его пришло», — подумал я, и сердце мое сжалось от предчувствия неминуемого расставания со столь необходимой в быту частью тела. Настроение у меня от таких мыслей испортилось окончательно. Я на скорую руку допил свой бокал, быстро оплатил счет и махнул рукой Акакию, чтобы тот подал ко входу такси: «Дома, мол, и стены помогают».

Только дома мне стало значительно хуже. Стремительно разнесло левую половину лица, и подскочила температура. И это несмотря на то, что я весь вечер полоскал челюсть виски с содовой. В конце концов я на ногах едва стоял от невыносимой боли. Впрочем, вполне возможно, что и не от боли вовсе, а от полоскания.

Утром мне чрезвычайно повезло договориться с регистратурой насчет визита к дантисту на десять. Зубной в нашей районной поликлинике от Бога. Старый кадр еще, дореформенный, я только у него зубами занимаюсь, несмотря на страховки всякие.

Так что без пятнадцати десять я, замотанный шарфом от подбородка и до макушки, стою эдаким бедуином у порога районного медицинского учреждения. В глазах темно, в ушах музыка звучит, не понять какая, но точно не Вивальди.

Стоило только мне попытаться надавить на тяжелую, обитую кованым железом входную дверь, как я сразу же почувствовал на спине чей-то колючий и цепкий взгляд.

— Эй, а полис медицинский при себе у тебя, приятель? — заглушил музыку в моей голове ехидный голос.

Я неуверенно притормозил и обернулся. Передо мной, разметаив ноги на ширину плеч, стоял дородный охранник в черной униформе и с дубинкой в руках.

Порывшись в карманах, я пришел к выводу, что полиса у меня при себе нет. После чего мне осталось только отрицательно мотать головой и глупо улыбаться.

— Так чего же ты приперся тогда сюда, голубь? Давай-ка поворачивай назад свои оглобли, — продолжил ехидничать охранник, внушительно играя перед моим носом резиновой дубинкой.

— Мил человек, разреши, так пройду, — пытаюсь достучаться я до него. — Это зуб все окаянный. Ночь напролет глаз не сомкнул. Поверь, не до полиса мне было.

— Ничего не знаю. Полис сначала предъяви, а потом ступай на все четыре стороны. А иначе, значит, никак. Порядок тут такой.

Палка охранника при этом многозначительно уткнулась в мой живот.

Я опустил глаза и внимательно посмотрел на дубинку.

— Так на то он и порядок, чтоб исключения делать, — продолжаю канючить я, шелестя непослушным языком. — Пока туда-сюда, полчаса пройдет, не меньше, а у меня очередь через пять минут уже. Не губи, родной.

— Никак нельзя. Я для того здесь и поставлен, чтобы во всем порядок был. Служба у меня здесь такая.

«Надо же, слова какие знакомые, — мелькнуло вдруг у меня в голове, — где-то подобное уже приходилось слышать».

Тут я поднимаю голову и упираюсь взглядом в растопыренные от справедливого возмущения усы а-ля канцлер Бисмарк.

— Акакий, ты ли это? Вот никогда бы не подумал, что тут встретимся, — хлопнул я себя по ляжкам, не столько от радости, сколько от удивления.

Тот присмотрелся ко мне повнимательней. Наконец взгляд его потеплел, а усы стали показывать, как им и положено — полшестого.

— Семен Аркадьевич, — опешил от изумления охранник. — Простите, не узнал вас сразу. Потому как тоже не ожидал, что вы... и сюда... к нам, — неловко попытался оправдаться он. — Да и мудрено признать вас с таким-то реквизитом на голове. А я тут, понимаете ли, по выходным реализую себя. У хворающего населения, так сказать, на страже здоровья стою...

Палка Акакия между тем опустилась, а потом и вовсе спряталась за его широкой спиной.

Встретить сотрудника престижного клуба в таком амплуа, да еще где! — в районной захолустной богадельне — показалось мне настолько забавным и странным событием, что я даже забыл, по какому поводу, собственно, здесь остановился.

— Разреши задать нескромный вопрос, Акакий? — не удержался я наконец.

— Извольте, чего уж там.

— Все никак не могу в толк взять, что ты здесь забыл у парадного? При твоих-то чаевых, не считая зарплаты у себя в «Гоголе».

— Правда ваша, — утвердительно закивал Акакий, — уж что-что, а финансовая сторона моей жизни протекает вполне благополучно и без видимых потрясений. А здесь... какие здесь, право, деньги. Так, слезы одни.

— Вот и я говорю, какого лешего тебе весь этот маскарад сдался?

— Так это я ведь не для денег вовсе, для души это, Семен Аркадьевич, — слегка смутившись, ответил он.

Перехватив мой недоуменный взгляд, он принялся объясняться, все больше распаляясь при этом:

— А вы бы сами попробовали днями напролет улыбаться всем, спину гнуть перед каждой... простите, я не вас имел в виду... персоной с туго набитой мошной. Приятные слова разные произносить. Порой так муторно на душе становится, что в морду так и тянет кому-нибудь плюнуть. Но ты не моги — терпи, раз служба у тебя такая...

— Это я все понимаю, братец, — продолжаю недоумевать я, — поликлиника-то только при чем тут районная?

Наверное, выражение моего лица стало совсем глупым, ибо он посмотрел на меня с некоторым снисхождением и сожалением, как на юродивого.

— Как это при чем? — процедил Акакий, после некоторой паузы. — А где ж, как не здесь, я смогу в свой законный выходной самим собой побыть, расслабиться от будней трудовых, душой оттаять.

Тут взгляд его снова сделался цепким и колючим.

— Минуточку, Семен Аркадьевич...

После этих слов Акакий бросился вслед за какой-то теткой, чинно проследовавшей мимо нас в регистратуру.

— А ну-ка стоять, гражданочка! — проревел он во всю мощь своих легких.

Та от неожиданности аж присела. Из одной руки у женщины выпала сумка, другой она судорожно схватилась за левую половину грудной клетки.

— Куда это ты без бахил намылилась, шельма, а? — строго насупив брови, спросил Акакий нарушительницу, удерживая ее за хлястик старенького полупальто.

В ответ женщина с подобострастной с улыбкой пролепетала что-то, типа, ей только на секундочку, и вообще, она ветеран труда, а ветеранам вроде бы положено и без бахил.

— О том, что тебе положено, ты в собесе будешь рассказывать, а здесь монету гони.

— Да сейчас я, сейчас, о Господи!

Пока она дрожащей рукой обреченно рылась в потрепанном ридикюле, на шаривая деньги, он все бормотал, накручивая свой ус:

— Не знала она, вишь ли. Ишь, умные какие вокруг все стали. Бесплатно пройти норвят. Хоть десятку, но дай зашпилить. Но знают пусть — у меня такой номер не проскочит, — гудел он себе под нос, никак не приходя в равновесие.

Когда мелочь нашлась, Акакий, презрительно поморщившись, выдал нарушительнице бахилы и повернул ко мне свое раскрасневшееся лицо, на котором крупным шрифтом было написано... несказанное удовольствие!

— Вот так, получается, и живем. Такая вот, значит, служба, — подытожил инцидент страж медицинского порядка. — Да что же вы стоите-то, касатик, прямо как неродной будто, — спохватился он вдруг, расплывшись в своей широченной улыбке, — милости просим проходить, Семен Аркадьевич.

После чего он услужливо растворил передо мной дверь и привычным движением смахнул невидимую пыль с моего плаща.

БУКИНИСТИКА

В полуподвальном помещении «сталинки», или, как его еще называют, в цокольном этаже, под неброской вывеской «Книги б/у» рядом с химчисткой притаился обыкновенный букинистический магазинчик — неизменное место паломничества собирателей древних манускриптов, искусствоведов и алкоголиков.

Я не отношусь ни к тем, ни к другим, ни к третьим, но тем не менее мне сейчас сюда.

Втянув в плечи голову так, чтобы не задеть ею низкий свод козырька, я занырнул в тесный арочный проем и уперся носом в объявление: «Антикварные книги. Принимаем дорого — отдаем дешево».

«Принимаем дорого» — это как раз то, что нужно», — подумал я, памятуя о том, что под мышкой у меня лежит укутанное в газету старинное собрание сказок Г.-Х. Андерсена, увидевшее свет еще в лохматом-прелохматом 1914 году. Я потянул на себя дверь, отозвавшуюся едва уловимым дребезжанием колокольчика.

Только чур на меня укоризненно не смотреть. Подумаешь, наследство дядино прожигая потихоньку. Кстати, не вижу в этом ничего предосудительного. Все лучше, чем оно на антресолях, среди банок с соленьями пылиться будет. А так, может, встретит

настоящего эстета наконец, того, что пыль с него дыханием трепетным сдует. Небольшая транзакция — и вуаля, все получили удовлетворение. Иной моральное, а кто-то, если повезет, и материальное.

В ожидании отлучившегося хозяина я задумчиво бродил по бесконечным галереям забитых доверху книгами стеллажей и, оценивая по ходу свои перспективы, изучал представленный литературный ассортимент.

И тут на тебе! Заплутав в книжных куцах, я, бываю же такие чудеса, совершенно неожиданно наткнулся на абсолютного, извините за выражение — однойцевого, близнеца своего фолианта.

Знакомый серо-розовый корешок был зажат между потрепанной энциклопедией «Лекарственные растения Азербайджана» и томом четвертым собрания сочинений Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка».

Я взял книгу в руки: «Издание т-ва Сытина, 1914 год», серенькая, невзрачнейшая такая книженция в твердом потрепанном переплете. И правда, один в один. Разве что состояние, мягко говоря, не первый сорт.

Машинально бросив взгляд на ценник, я оторопел так, что язык к небу приклеился. Силы небесные — тридцать тысяч целковых!

Из культурного шока меня вывел дрожащий, елеиный голосок, донесшийся откуда-то из пыльных глубин книжного царства.

— Интересуетесь?

Протирая свою красную, блестящую, как медаль, плешь, вдогон за репликой показался, судя по его деловому виду, хозяин погребка — эдакий невзрачный субъект преклонных годов. На хищном ястребином носу мужчины висело старомодное пенсне с цепочкой. В руках он держал эмалированную табакерку.

— Инвестиция, пчхи, в безбедную старость или изящный подарок к юбилею?

— Да как вам сказать, — ответил я ему, кивнув на книгу. — Невероятно! Целых тридцать тысяч, неужели находят даже те, кто берет?

— Спрашиваете! Еще как находят, с руками отрывают. Кстати, ничего удивительного. Очень смешные, признаюсь, деньги за такой ценный, редкий экземпляр. От начального тиража уж и не осталось ничего, поди. Вы только посмотрите, посмотрите, что за издатель, — гордо сунул он мне под нос обложку. — А?! Типография Сытина, одна из наиболее уважаемых до революции была. Да-с, это вам не какой-то там Пантелеев. У коллекционеров такая вещь пользуется исключительным спросом. Желаете спросить — почему?

Я утвердительно мотнул головой и почесал за ухом, как пес.

— Сказки! — провозгласил он, подняв вверх указательный палец. — Гм, универсальное чтиво. Причем не простые сказки, а самого Ганса Христиана. Философия жизни, так сказать. Одинаково интересны любому возрасту. И навсегда таковыми останутся. Так что берите — не прогадаете, через десять лет стоимость только удвоится.

— А то, что она занюханная до невозможности, — продолжил задавать провокационные вопросы я, — ничего? Желтая вон вся, страницы слипшиеся...

— В том-то вся и соль, любезный. На ней осела, не побоюсь этого слова, пыль минувших лет. Причем каждая ее историческая пылинка на вес золота будет. Вот и выходит, чем потрепанней фолиант, тем он дороже.

Он сложил губы в обидчивую трубочку и, поплевав на обложку, протер ее рукавом своего сюртука.

— А даже если и пожухла слегка, так это лучшая гарантия того, что вещь настоящая, не репринтное издание, не левак, понимаете?

— К тому же изрисованная сплошь, — не унимался я, расчесывая себе запястье, будто меня укусил комар. — Каракули какие-то везде, будто ручку расписывали.

- Скажете тоже — каракули. Культурное наследие!
Он взял с полки какой-то букинистический журнал и с чувством продекламировал:
- Оставленные на полях раритетного издания заметки известных людей могут увеличить стоимость книги в несколько раз.
- Так-то ведь известных, а тут непонятно кто отметил.
- Ваша правда. Оттого и дороже в два раза только.
- Ну в два так в два, — не расстроился я, вспомнив, что у меня на первой странице стоит экслибрис дяди-букиниста. — В два раза — это, пожалуй, тоже неплохо выйдет. Я еще раз пролистал книгу, прежде чем поставить ее обратно на полку.
- Ой, смотрите, двух страниц не хватает как будто...
- Эка печаль, — лукаво прищурился хозяин, убедившись в справедливости моих слов. — Сколько страниц в ней всего — триста? Во-о-от. А тут парочка какая-то несчастная. Мизер, честное слово, меньше процента даже. Что есть они, что их нет. В рамках статистической погрешности, можно сказать.
- Наконец он приблизил пенсне к моему лицу и кисло улыбнулся.
- Эх, гулять так гулять, предлагаю вам скидку... однопроцентную. Да-а-а, с ума я сошел, видно, в убыток себе отдаю. Ну как, по рукам?
- Вряд ли, — сочувственно выдохнул я в ответ. — У меня у самого такая имеется. Вот взгляните, — размотав газету, я вытащил на свет Божий двойника той, что торговалась стариком антикваром. — Хоть и ценная вещь, но мне совершенно без надобности. Возьмете? На тридцать тысяч, понятно, не претендую, ведь не на голом же энтузиазме вы тут сидите, но дешевить, извините, тоже не намерен.
- Лицо антиквара из красного сделалось бледным, даже в синеву стало слегка отливать. Нос еще больше заострился. Он понюхал из своей табакерки и протер пенсне.
- Сказки принесли, говорите, пчхи, — проскрипел он разочарованно. — Да уж, нашли чем удивить в наш-то просвещенный век. Вы, молодой человек, похоже, не совсем в теме, что у порядочных людей на повестке сейчас.
- «Вот тебе и здрастье! А мне до сих пор казалось, что сказки Андерсена на века».
- Надо же. И какие вещи востребованы, по-вашему?
- Естествознание в цене, история, — начал загибать пальцы старик, — энциклопедия Брокгауза и Ефрона еще. Одним словом — реализм. А вы со своими сказками пожаловали! Даже не знаю, что вам тут посоветовать, уважаемый. Кстати, этот экземплярчик, — он презрительно кивнул в сторону своего Андерсена, — полгода уже на полке маринуется. Даром никому не нужен, а уж за подобные деньжищи тем более. Вы первый за все прошедшее время, кто на эту лабудень глаз положил. Я-то, дурак старый, перекрестился было, что и на нее свой простофиля нашелся. Только, видно, скоро лишь сказка сказывается.
- Но ведь Сытин же, редкая вещь, как бы первый до революции...
- Опять вы заладили свое: Сытин, Сытин. Что вам дался этот Сытин? Сытина много на рынке стало теперь, надоел всем до смерти. Вот если бы вы Пантелеева принесли, тогда другое дело, тогда я точно отсыпал бы вам не торгуясь. А тут какой-то Сытин. Ладно, дайте-ка ее сюда, — сказал он и, брезгливо сморщившись, взял книгу в руки. — Ну точно, все так и есть, вон листочек загнут, а еще царапина, видите, на обложке? Да-а-а, реставрация нужна серьезная. Без больших затрат не обойдешься. Не уверен даже, имеет ли смысл в нее вкладываться.
- Впрочем, как пожелаете, — я потянул было книгу на себя.
- Да погодите, погодите вы, — он живо отстранил мою руку, — горячий какой. Я же не сказал — нет. Сложно, говорю, с реализацией дальнейшей придется. Цена от этого падает сильно.

— Что ж, падает так падает, — вздохнул я, отчаянно почесываясь. — Уступлю за десять тысяч в таком случае.

— Желтая какая-то она у вас, выцвела вся. Две тысячи дам, если хотите.

— Сколько? А то, что печать хозяина на титульном листе стоит, пыль веков, сами же говорили, — ткнул я пальцем в фиолетовое клеймо. — Побойтесь Бога, накиньте еще хотя бы столько же за культурное наследие.

— Это-то наследие? Мазня какая-то неприличная, — скривился он, посмотрев на именной знак через увеличительное стекло. — Эдак я вам сейчас сам под Хохлому ее разрисую и денег потом попрошу. Дефект — это, батенька, де-фэкт, — повторил он, смакуя последний слог, — так что тысяча — вот мое вам последнее слово, пчхи.

— Черт с вами, штука так штука, — махнул рукой я, — легко пришло — легко ушло. Бог дал — Бог взял. Только деньги вперед пожалте.

Антиквар, громко шаркая ногами, пошел к сейфу. Там он долго возился с ключами, время от времени бросая подозрительные взгляды в мою сторону.

— Скажите, кто я, если не старый дурак и не безнадежный романтик? — бормотал он, отсчитывая дрожащей рукой мятые сторублевки. — Что мне с этой напастью делать прикажете, солить этого Сытина, что ли? Ну да раз обещал...

Уже на выходе я припомнил, что у меня среди всего прочего сам Пантелеев на антресолях пыль собирает: «Интересно, а вдруг на нем повезет озолотиться».

— Любезный, вы вроде намекали, что Пантелеев сейчас в цене...

Повернувшись лицом к хозяину, я увидел, как тот с довольным лицом ставит новую книгу на полку, как раз вместо того экземпляра, который привлек мое внимание накануне...